
**КРОССКУЛЬТУРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**ПЕРЕМЕНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ
В СТРАНАХ БАЛТИИ**

© 2004 г. Р. Х. Симомян

*Кандидат философских наук,
руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН, Москва*

Анализируются изменения в ориентациях и установках российской диаспоры в странах Балтии, предлагается психологическая типология составляющих ее групп, прослеживается динамика изменений в массовом сознании и настроении различных слоев титульного населения. Рассматривается процесс адаптации представителей российской диаспоры к условиям современного рынка труда в Балтии и появление в ее среде нового этнопсихологического феномена – “евнорусских”.

Ключевые слова: психологический тип, образ нации, толерантность, перекрестная идентификация, этностереотипы, ценностные ориентации.

Проблемы взаимоотношений России и государств постсоветского пространства часто лежат не столько в политической или экономической, сколько в психологической сфере. А здесь определяющую роль играет положение и самосознание русских диаспор в новом зарубежье. Покажем это на результатах многолетних социологических исследований (включая факторный анализ газетной периодики), проведенных под руководством автора в бывших республиках Прибалтики, а теперь независимых странах Балтии.

В основном российская община в странах Балтии сформировалась в послевоенный период. Исследования социальной структуры в республиках Прибалтики, проведенные Институтом социологии показали, что к началу 90-х гг. прошлого века можно было выделить несколько четко очерченных групп, каждая из которых отличалась своими социально-психологическими особенностями.

Первую, довольно обширную группу, составляли коренные россияне, проживающие здесь еще с довоенных, или даже дореволюционных лет. Особенность данной группы заключается в том, что это наиболее интегрированная часть диаспоры со всеми характерными признаками – владение языком титульной нации, высокая степень толерантности, усвоение принятых норм поведения, интерес к культуре страны проживания. Данная часть российской общины, сохраняя свою национальную культуру, была достаточно глубоко интегрирована с титульным населением, поэтому между ними не возникало напряженности в отношениях: чаще всего их воспринимали как своих. Они даже приобретали черты внешнего облика коренных жителей. Их удельный вес в

Прибалтике составлял, по нашим данным, 15–17% от численности всей общины.

Ко *второй* группе можно отнести представителей российской творческой интеллигенции, оказавшихся здесь после Второй мировой войны. Для этих людей переезд в Балтию, где идеологическое давление не было таким тотальным, как в России, являлся своеобразным способом эмиграции на Запад. Это была самая немногочисленная, но очень авторитетная группа. Ее представители по разным причинам (в том числе и по пресловутому “пятому пункту”) оказались невостребованными в Москве, Ленинграде, других научных и педагогических центрах Советского Союза. А здесь их как квалифицированных специалистов охотно принимали на работу.

Сформировавшееся таким образом сообщество создало вокруг себя особую психологическую атмосферу, которая и стала привлекательной для самостоятельно мыслящих людей из других частей Союза. Представители этой группы, хотя и воспринимались титульным населением в качестве “чужаков”, пользовались здесь симпатией, у них, как правило, не было языковых проблем, что в свою очередь еще больше увеличивало влияние этих людей на окружение. В Прибалтике всегда сохранялась дистанцированность литературы, театра, публицистики на языках титульного населения от идеологических служб. Скромные размеры этой элитарной группы (1–2% от численности общины) компенсировалась ее высоким авторитетом, она оказывала заметное воздействие на умонастроения местного населения. Это создавало дополнительную мотивацию и особый психологический комфорт для их деятельно-

сти. Господствующая ориентация представителей этой группы – творческое самовыражение.

В третью, более многочисленную (6–8%) группу, входили инженеры, врачи, учителя, работники научно-исследовательских институтов, театральные деятели, журналисты и т.п. В формировании этой группы основную роль сыграли приглашения конкретных специалистов, распределение после окончания вузов и пр. Таким образом, эти две последние группы представляли российскую, или, точнее, многонациональную советскую, интеллигенцию, если и не интегрированную в новое общество, тем не менее отличавшуюся постоянной готовностью к широкому взаимодействию с ним.

Четвертая группа, составляющая 10–12% общины, включала высококвалифицированных рабочих, занятых освоением новых технологий на крупных предприятиях. Их переезд в Балтию вызывался производственной необходимостью и помимо этого способствовал повышению профессионально-технического потенциала республик. Представителей двух последних групп объединяло сознание того, что их знания и профессиональная квалификация здесь востребованы, а условия труда и быта соответствуют их ожиданиям. В целом представители вышеперечисленных групп вызывали у титульного населения благоприятное, в худшем случае, нейтральное отношение, так как у них доминировали установки на сотрудничество.

Но появление на прибалтийской земле офицеров Советской Армии воспринималось уже совсем по-другому. Вместе с членами своих семей эти офицеры составляли многочисленную (не менее 15%) и весьма заметную прослойку, населения – *пятую* группу. Ее психологическое своеобразие было связано с “кочевым” образом жизни и соответствующей диспозицией ее представителей. Их характерная особенность – вполне объяснимая замкнутость, корпоративная солидарность. Даже на межличностном уровне взаимодействие с местным населением носило случайный характер. Но если временное пребывание офицерского корпуса Прибалтийского военного округа регламентировалось специальным приказом и выполняющие этот приказ были по существу людьми подневольными, то офицеры-отставники, составляющие *шестую* группу, жителями Балтии становились по личным предпочтениям. Естественно, это вызывало весьма негативное отношение коренных жителей. А самовосприятие офицеров-отставников как освободителей Прибалтики, чем они справедливо гордились, с нарастанием кризисных явлений в советской экономике вызывала лишь раздражение у значительной части населения этих республик. Тем более что в социально-бытовом плане отставники и члены их семей от-

личались, наряду с обладанием различными льготами, особой энергетикой и активностью. Ориентация этой группы, составлявшей 7–8% численности русскоязычных жителей Прибалтики, – справедливое, по их представлениям, получение социальных и материальных благ за доблестную службу.

И, наконец, две группы с самым низким статусом. *Седьмая* – это представители рядового состава срочной службы, которым после отбывания воинской повинности в Прибалтике удалось там остаться, закрепиться, а затем и перевезти своих родственников (“иммиграционный шлейф”). Здесь помимо русских большую долю составляли представители славянских народов – украинцы, белорусы, а также других народов СССР. Доля этой группы в российской диаспоре – 10–12%. Лица, переехавшие в Балтию по оргнабору, составили *восьмую*, самую многочисленную (не менее трети диаспоры) группу. В нее, как правило, рекрутировались жители наиболее бедных российских регионов, – в основном, из сопредельных областей российского Нечерноземья. Естественно, что быстрое предоставление им жилья как работающим на предприятиях, имеющих фонды для его строительства, вызывало недовольство коренного населения. Так, к 1991 г. более 90% русских жителей Таллинна имели отдельные квартиры.¹

Психологическое напряжение, которое возникало между составляющими две последние группы и представителями титульного населения на бытовом уровне, носило не столько межэтнический, сколько межкультурный характер. Подобные межгрупповые столкновения, где бы они ни наблюдались (в Москве, Санкт-Петербурге или Таллинне), не имеют сколько-нибудь значимой этнонациональной природы. Здесь этническое является лишь внешней оболочкой контрастных кросскультурных (например, “образованные–необразованные”, “горожане–селяне”, “местные–пришлые” и т.п.) различий.

Подобную ситуацию вполне можно считать типичной, ибо к концу 60-х гг. в стране сформировалась огромная армия маргиналов, кочующая от одной всесоюзной стройки к другой. Ускоренные темпы индустриализации, таким образом, создали не только острые экологические, но и психологические проблемы. В связи с развивающимся кризисом социалистической экономики эти проблемы приобретали все более конфликтные формы, что четко прослеживается и на примере Прибалтики.

Кроме того, здесь проявились и глобальные процессы. Повсеместно основная часть неквалифицированных рабочих – это вчерашние крестья-

¹ Эстония: столичные жители (материалы социологических опросов жителей Таллинна в 1974 и 1991 гг.). М., 1995. С. 78.

яне, которые еще не порвали духовные и родственные связи с деревней. Но постепенно утрачивая связь с прошлым, большинство из них переходит в маргинализированный слой. Его психологический стержень – поведенческая неустойчивость. Он почти оторвался от корней, но его окружает пока еще не его среда, носители которой кажутся ему врагами, поэтому разрушительные идеи легко находят у него отклик. Меньшинство, которое смогло приобрести новый статус, т.е. более или менее крепко встать на ноги, обрело определенную психологическую устойчивость. Его труднее увлечь на путь ниспровержений. Этот тип уже ближе к социально-психологической модели позднего мигранта, стаж проживания которого в новой среде насчитывает не менее трех десятилетий.

Что же лежит в основе психологии мигранта? Мигрант, или по принятой тогда в СССР терминологии, лимитчик покидает родину потому, что там возникло чрезмерное несоответствие между его стремлениями и тем, что может предложить ему общество. Он бежит не от родины, а за психологическим комфортом (точнее, за высоким уровнем потребления), поэтому местные жители (и их культура) – в его глазах – лишь досадная помеха. Он ведь приехал не к ним, его привела сюда надежда на “лучшую долю”. То, что здесь в его взаимодействии с новым социумом нет этнической составляющей, наглядно показывают отношения между мигрантами двух первых и двух последних групп: они всегда были напряженными. В известной мере они напоминают отношения между переселенцами в Израиль первой и последней волны. Точно так же в отличие от “ранних мигрантов” “поздние” активно не воспринимают местную культуру, не стремятся овладеть языком титульной нации, но зато воинственны и не толерантны. Значительную часть нашей общины в Балтии составили представители этих двух самых низкостатусных групп. Представители именно этих двух маргинальных групп весной 1991 г. наиболее активно проголосовали за выход Латвии и Эстонии из состава СССР, полагая, что выгоднее жить в богатой и комфортной Прибалтике, чем в единой, но бедной России. Национально-патриотический мотив в принятии экзистенциального решения оказался слабее прагматического. Для изменения взглядов потребовалось, чтобы они почувствовали себя национально ущемленными.

Для развернутой характеристики этого большинства можно воспользоваться результатами наших исследований в рамках проекта “От национального самосознания к гражданскому действию” Института социологии, осуществленных весной 1991 г., всего за три-четыре месяца до распада СССР. Были проведены масштабные (более двенадцати тысяч респондентов) репрезентативные опросы населения восьми союзных респуб-

лик, в том числе Латвии и Эстонии, по широкому кругу социально-психологических проблем [7]. Исследование показало, что значительная часть респондентов к моменту опроса хотя бы один раз в жизни пережила сильный эмоциональный стресс, вызванный неблагоприятным контактом с государственной или партийной бюрократией. От 20.2% опрошенных в Узбекистане до 38.2% в Эстонии и 49.6% в Латвии пережили морально-психологическое потрясение из-за действий властей, администрации, бюрократического произвола и т.п., допущенных по отношению к ним или к кому-то из близких. При этом были замечены весьма существенные различия в структуре причин, вызвавших стресс. Так, среди представителей русской диаспоры в Эстонии и Латвии наиболее типичные обстоятельства, которые привели к психологической травме, – это необоснованный отказ в получении жилья, незаконное понижение (или не повышение) в должности, незаслуженное депремирование (или столь же незаслуженное премирование другого), несправедливое лишение права на приобретение автомобиля, дачного участка, мебельного гарнитура, холодильника и т.п. имущества, служебные злоупотребления администрации и нежелание вышестоящих органов принимать меры, отказ в прописке близких родственников, в принятии ребенка в детский сад, предоставлении путевки в санаторий нуждающемуся в лечении и т.д. Такого рода события составляют 77.3% причин в Латвии и 86.6% в Эстонии, повлекших за собой серьезный психологический стресс представителей русской общины.

Иначе выглядит подобный перечень у латышей и эстонцев. Здесь в качестве стрессогенных факторов доминируют события, связанные с депортациями, различными репрессиями (в том числе и в отношении родителей, близких), со службой в Советской Армии (в основном, неуставные отношения), преследование за инакомыслие, высказывание собственного мнения, преследование на религиозной почве, запреты на выезд за границу навестить родственников, недоверие, оскорбление на национальной почве, унижение человеческого достоинства и т.п. В общем балансе стрессоров на эти причины указывали 76.2% латышей и 89.5% эстонцев.

Эти довольно серьезные различия в системе ценностей (у одних это “справедливость”, у других – “свобода”, “права личности”) не должны восприниматься как сугубо этнические. Скорее они носят социально-культурный характер. Ведь с послевоенным миграционным потоком Балтию заполнил весьма специфический контингент, представлявший в основном социальнонеблагополучные слои советского общества. Эти люди сами были жертвами тоталитарного режима. Политика оргнабора рабочей силы, например, для предприятий Эстонии привела к тому, что за пе-

приод с 1950 по 1990-й в Эстонию на постоянное жительство переехало 12% сельского населения Псковской области и 11.5% – Ленинградской.

При этом переселенцы не просто меняли места обитания и социальное положение, но и разрушали связь со средой, их породившей. Происходил процесс переосмысления ценностных установок личности. Не сформировавшаяся система взглядов часто замещалась “негативной самобытностью”, основанной на противопоставлении себя чужому окружению. Социальные противоречия, которые на родине могли бы заставить человека бороться за преобразование общества, при переселении на территорию другого народа не разрешаются. Критическое настроение по отношению к своим властям на чужбине трансформируется в строгую и пристрастную оценку “чужих” – коренных жителей.

В объективном взгляде на миграцию всегда присутствует двойственность. С одной стороны, человека можно понять, если он бежит оттуда, где жизнь невыносима, общество организовано плохо, а государство не позволяет ему удовлетворить самые насущные потребности, где, наконец, осуществляется преследование по политическим, религиозным или иным мотивам. Но возникает естественный вопрос: а кто должен изменить это общество и государство? Массовая миграция формирует и усиливает предрасположенность, часто неосознанную, к социально-политическому иждивенчеству. Если гражданин уходит от этой задачи, то, следовательно, он возлагает ее на другого. Опросы жителей Копли и Ласнамяэ (районы Таллинна с самым высоким удельным весом русских), проведенные нами в 1988-89 гг. показали, что для психологии мигрантов характерна установка на то, что кто-то другой должен позаботиться о том, чтобы его страна стала пригодной для нормальной человеческой жизни, на других перекладывается и ответственность, и необходимость, и риск добиваться этой высокой гражданской цели. Выбор из указанных альтернатив во многом определяется степенью гражданского самосознания личности, ее диспозицией. На социально-политическое иждивенчество указывает и тот факт, что только 30–35% русских жителей Латвии и Эстонии, получивших здесь гражданство, принимают участие в выборах в парламент.

После распада СССР русские утратили свое особое, комфортное положение и вытекающее из него социальное самочувствие, которое изначально было связано с их исторической функцией в образовании Российского государства, Российской империи, а затем и Советского Союза, с интегрирующей ролью русского языка и русской культуры, но также и с внедрением в массовое сознание тезиса о том, что русский народ – это “старший брат”, “первый среди равных”. Более

того, русским была уготована теперь совершенно иная роль. В глазах титульного населения они становились олицетворением (или напоминанием) того самого тоталитарного режима, от которого только что удалось избавиться. Как уже было отмечено, масштабы и последствия проблем, с которыми столкнулись русские в странах Балтии после распада Союза, лежали не столько в сфере экономики и политики, сколько в психологической.

Итак, к началу 90-х гг. в странах Балтии возник своеобразный малый интернационал (русские, белорусы, украинцы, татары, чуваша и др.), который воспринимался титульным населением в виде обобщенного понятия “русские”, а его материальная и духовная основа оказалась в серьезном несоответствии с мировоззрением народов, живущих испокон веков на этой земле. На мигранта обычно больше обращают внимания, по нему судят о народе в целом. Поэтому самопредставление русских (“Мы – великая нация, одна из ведущих мировых культур”, “Мы – нация Пушкина, Чайковского, Толстого, Чехова, Достоевского”) не встречало адекватного отклика у представителей титульного населения. В Балтии в последней трети XX века российских переселенцев, к сожалению, так не воспринимали.

За прошедшее десятилетие наша община в странах Балтии существенно изменилась. С 1996 г. практически перестала существовать пятая группа. Советские офицеры, за исключением тех, кто быстро сориентировался и сумел демобилизоваться, и их семьи к тому времени в соответствии с межгосударственными соглашениями покинули Балтию. Резко уменьшилась и четвертая группа – высококвалифицированные рабочие и младший технический персонал. Национально-радикальные политики Латвии и Эстонии до сих пор склонны гордиться разрушением крупной промышленности, так как это, по их мнению, позволило избавиться от “чужой” рабочей силой. Впрочем, какая-то часть заводов сохранилась, а оставшиеся без работы русскоязычные квалифицированные специалисты нашли другое применение своим способностям: чаще всего в бизнесе.

Как дифференцируется сегодня наша община в странах Балтии? На первый план вышла социально-психологическая типология, связанная с экономическим положением представителей общины на рынке труда, их адаптацией к новым условиям жизни. В длительной социальной депрессии оказалась та часть русской интеллигенции, которая активно поддерживала демократические движения времен “поющей революции”. Первые правительства суверенных республик были, в основном, националистическими, русофобскими. Их стараниями русская часть демократического движения (в том числе и участники русских сек-

Таблица 1. Изменения в массовом сознании русских в странах Балтии в период 1993–1996 гг. (в % к числу опрошенных)¹

Годы	Русские в Латвии			Русские в Литве			Русские в Эстонии		
	1993	1995	1996	1993	1995	1996	1993	1995	1996
Число респондента	967	517	455	518	239	297	987	645	389
Позитивная оценка социалистической экономики	75	75	86	84	83	81	76	80	79
Позитивная оценка нынешней экономической системы	24	28	19	33	24	32	41	49	55
Негативная оценка нынешней экономической системы	62	60	72	52	67	56	44	39	37
Позитивная оценка перспектив этой экономической системы на ближайшие пять лет	64	59	41	72	54	53	77	81	71
Позитивная оценка бывшего коммунистического режима	66	51	67	66	64	59	65	57	67
Негативная оценка бывшего коммунистического режима	22	34	25	24	25	31	21	28	24
Позитивная оценка нынешней системы	9	40	30	58	37	42	50	57	49
Негативная оценка нынешней системы	43	45	55	27	45	43	38	41	45
Позитивная оценка перспектив этой системы на ближайшие пять лет	71	74	57	82	61	64	79	83	72
Согласны вернуться в коммунистический режим	*	9	9	*	10	8	*	9	14
Не согласны вернуться в коммунистический режим	*	59	65	*	53	71	*	52	55
Считают, что до распада СССР они жили лучше	*	26	43	*	33	36	*	32	38
Считают, что живут лучше, чем до распада СССР	*	34	35	*	13	44	*	30	29
В целом удовлетворены экономическим положением своей семьи	20	16	18	27	25	34	25	31	36
Считают, что экономическое положение семьи лучше, чем пять лет назад	19	21	10	20	19	17	20	20	25
Считают, что экономическое положение семьи хуже, чем пять лет назад	63	67	79	62	70	69	60	61	51
Верят, что экономическое положение семьи в ближайшие пять лет улучшится	29	35	32	36	33	39	33	43	41

Примечание: * – нет данных.

¹Return to the Western World. Tartu University Press, 1997. P 314.

ций “Народных фронтов” Эстонии и, особенно, Латвии) была грубо отгеснена на политическую периферию. В такой своеобразной форме оценивались их заслуги в установлении демократии. В итоге оказалось, что большинство русских явно переоценили демократизм национальных движений в Прибалтике. Идеино-психологическая растерянность русской элиты в странах Балтии во многом сродни той фрустрации, в которой пребывала основная часть демократической интеллигенции в России в 90-х гг. Многие ее представители до сих пор испытывают чувство стыда за то, что поверили в единство целей и интересов новой власти и народа, за эйфорический настрой августа 1991 г. Некоторое утешение и те, и другие видят в том, что и в Балтии, и в России подтвердилась известная закономерность революционного развития: кто своими усилиями создают новую власть, – оказываются первыми ее жертвами.

Характеризуя нынешнее психологическое самочувствие наиболее интеллектуальной части нашей диаспоры в странах Балтии, нужно сказать, что ни высокий профессионализм, ни большой стаж проживания, ни общая культура, ни знание титульного языка, ни даже получение гражданст-

ва не оказались сами по себе гарантиями материального благополучия в независимых государствах Балтии. Возникший новый рынок труда, как и в России, выдвинул и новый набор требований к желающим преуспеть.

Поэтому принадлежность к “инсайдерам” и “аутсайдерам” не имеет прямой корреляции с указанными типологическими группами. Исследования, проведенные нами в 1997–1998 гг. в Латвии и Эстонии, показали, что экономически продвинутые респонденты распределены по этим группам примерно в равной степени. Языковой барьер вполне мог компенсироваться энергией, напором, а недостаток общей культуры или стажа проживания – снижением (или даже отсутствием) моральных ограничений. Здесь представители седьмой и восьмой групп обладали своими очевидными преимуществами. Недавний опыт адаптации мигрантов к новой среде был использован для приспособления к изменяющимся экономическим условиям, что обеспечивало им большую психологическую устойчивость по сравнению с другими группами.

Более операциональна горизонтальная дифференциация по возрастным группам. Молодые, как правило, имеют существенно более высокий уровень жизни. У них и самая высокая самооценка, пик которой приходится на возрастную группу от 21 года до 30 лет. До одной четверти людей этой группы относит себя к высшим слоям общества. Причем внутри российской общины поляризация по уровню доходов существенно выше, чем у титульного населения. Самые неимущие в этой структуре – одинокие пенсионеры, у которых и самая низкая самооценка, свыше 80% относят себя к низшим слоям общества². Самопредставление представителей этой группы в странах Балтии и в России практически идентично.

Поэтому наиболее показательная типологизация представителей нашей общины в настоящий момент – это дихотомия: адаптировавшиеся к новым условиям, нашедшие свое место на новом рынке труда, или не сумевшие приспособиться к новым условиям жизни, т.е. “адаптанты” и “неадаптанты”. Дифференцировать нашу диаспору в Латвии и Эстонии можно и по признаку гражданской принадлежности: имеющие гражданство страны проживания, имеющие российское гражданство, не имеющие никакого гражданства, т.е. “неграждане” или апатриды. Но наиболее универсальный критерий дифференциации в нынешних условиях – имущественный.

Среди представителей российской общины в странах Балтии постепенно возрастает удельный вес тех, кто родился уже в независимых государствах. Однако пока еще заметное большинство составляют те, кто лично пережил драму вынужденной эмиграции. Распад СССР для многих из них – нечто вроде родовой травмы. Именно этот синдром никак не дает средним и старшим возрастным группам, составляющим сегодня большинство российской общины, избавиться от психологического дискомфорта. Россия их “не отпускает”. Отношение к своей родине у этого большинства формируется из переплетения противоречивых чувств. С одной стороны досада и упрек: “Россия нас бросила”, “Приходится жить с ними, а не со своими” и т.п. С другой – удовлетворение (часто неосознанное): “Мы оттуда вырвались”. Но главное, что серьезно влияет на общественное настроение – это сознание того, что им приходится жить в чужой стране, с горечью отслеживая негативные процессы в своей. Эти настроения, особенно в первые годы после распада СССР, объединяли людей. У них было общее, интегрирующее: сожаление о потерянной Родине, ее ужасной судьбе, и потребность оправдать свой выбор.

Анализируя данные табл. 1, обращаешь внимание на следующие моменты. Лучшее социальное

самочувствие зафиксировано у русских в Эстонии, что не удивительно, так как именно Эстония продемонстрировала в середине 90-х гг. наибольшие в Балтии экономические достижения, что позволило ей решать актуальные для всего населения, в том числе и для русской его части, социальные вопросы. Здесь же и большая доля русских, положительно оценивающих открытую либеральную экономику.

Ностальгические настроения для большинства русских жителей Балтии являются господствующим переживанием, но к середине 90-х гг. они становятся своеобразным эмоциональным фоном, сопровождающим жизнедеятельность представителей нашей общины, и утрачивает какую-либо практическую связь с реальной жизнью. При положительной оценке советской системы, выданной 2/3 респондентов, только каждый десятый хотел бы ее возвращения. В то же время даже в Латвии, где жизненные условия населения, в том числе и русского, наименее благоприятные в Балтии, возрастает доля тех, кто оценивает ее отрицательно. На оценки респондентов заметно воздействуют сложившиеся психологические установки. Доля положительной оценки перспектив новой экономической системы снижается у опрошенных во всех трех странах. Этот пессимизм по поводу ближайшего будущего экономики стран проживания никак не согласуется с возрастанием доли позитивной оценки экономического положения в личном плане. Результаты опроса показывают, что у респондентов, с одной стороны, возрастает скепсис по отношению к перспективам экономики в целом, а с другой – уверенность в перспективах улучшения экономического положения их семей. Возможно, это имманентно связано с низким уровнем жизни населения на исторической родине. Элементы такого сравнения постоянно присутствуют при оценке своего уровня жизни в новых условиях.

В государствах Балтии наши соотечественники особенно болезненно воспринимают неудачи России последних 10–12 лет. Ибо все это они вынуждены переживать на фоне экономических и политических достижений стран проживания. А отсюда еще один штрих раздвоенности сознания. С одной стороны, стремление дистанцироваться от России: “Я – не такой, я – другой”. А с другой, наоборот, – сострадание, возмущение, стремление защитить ее от насмешек и унижений. Эта отличительная черта массового сознания (“расколотое сознание”) значительной части российской общины заметно осложняет развитие интеграционных процессов. Представителям титульных народов Балтии трудно понять психологию россиян, переживающих унижение своего еще совсем недавно великого государства и народа. Их реакция – очень редко сочувствие, а чаще – злорадство как компенсация за свое бывшее унижение. Эти наст-

² Бизнес и Балтия. Рига, 18 января 2001 г.

роения были особенно характерны для первой половины 90-х гг., что отражалось в национальных СМИ³.

Народам, живущим на одной территории, прежде всего, необходимо идти к достижению взаимопонимания, признав, что существует только эта реальность и никакая иная невозможна. Это и есть первое условие диалога. Социально-психологическое напряжение возрастает там, где это условие отсутствует. В 90-х гг. в Прибалтике была популярна упрощенная схема того, как здесь менялось восприятие “этнически чуждых”. Что в идеале хотел бы лимитчик при советской власти, скажем, в Латвии? Чтобы там все было так, как есть, но только лучше вообще без латышей. С чем, естественно, латыши категорически не могли согласиться. Что в идеале ожидал латышский хуторянин при советской власти? Чтобы Латвия была самостоятельной, а все русские вернулись в Россию. С чем последние были также не согласны, хотя и не с такой абсолютной категоричностью. Как это выглядит теперь, после распада СССР? В идеале русские хотели бы получить равноправие во всем: в политической жизни, в работе в государственных учреждениях, в государственном двуязычии и т.п. А латыши в идеале видели превращение своей страны в монокультурное и моноэтническое государство, образование которого возможно было достигнуть эмиграцией несогласных русских и ассимиляцией согласных.

Вот на этом психологическом пространстве между крайними ожиданиями и стремлениями постепенно развивается процесс смягчения взаимного восприятия. И сегодня обе стороны в той или иной мере уже признают целый ряд важных исходных моментов, что является основой для поиска компромиссов. Среди этих моментов выделим следующие: русские в Балтии – не просто община, но малая часть великого народа, и не просто великого народа, а соседнего государства (в отличие, например, от китайской общины в США). У латышей (литовцев, эстонцев) другой родины, кроме Латвии (Литвы, Эстонии), нет. Если завтра Латвия (Литва, Эстония) станет идеальным демократическим государством с полным равенством всех здесь проживающих, то послезавтра здесь окажется еще несколько тысяч россиян, в первую очередь из неблагополучных регионов и “горячих точек” России. (Сходная ситуация сложилась в Москве, где городское руководство принимает комплекс самых разнообразных ограничений для приезжих, порой антиконституционных, игнорируя критические эскапады правозащитников).

³ П. Таммтуу. Толерантность и национальные отношения в эстонской прессе. Таллинн, 2000.

По сравнению с титульными этносами русские – психологически более устойчивая нация. В опубликованных в 2002 г. результатах исследования по трудовой занятости в Эстонии социологи приводят сравнительные данные о психологической устойчивости различных групп населения к экономической депривации. Выяснилось, что быстрее приходят в отчаяние эстонцы. Жалобы и упреки на горькую судьбу, присущие русским, – своеобразная защитная реакция. Они жалуются как бы впрок, с запасом, на всякий случай. И когда действительно становится плохо, когда приходит беда, то отворяют ворота и смотрят с искренним любопытством. А обращаясь к окружающим: “Я же говорил, я же знал!”, получают даже определенное удовлетворение. В отличие от русского эстонец ничего плохого от судьбы не ждет. Он, как истинный индивидуалист, верит в себя, а также в свою семью, в ЕС и НАТО, в работодателя. Он не перекладывает на них принятие важных решений, но всегда ощущает их в качестве общественной основы своего индивидуалитета. И когда что-то случается, легко впадает в панику. Поэтому 73% эстонцев отчаиваются очень быстро. А среди русских таких всего 28%⁴.

Наконец, русские имеют несравненно более мощную культуру, интеллектуальный и творческий потенциал, более сильную энергетику и генетическую адаптивность. Русский язык содержит значительно больший лексический тезаурус по сравнению с языками балтийских народов, кроме того, это язык, имеющий (наряду с английским) более широкое хождение в науке, бизнесе, быту.

Еще одним важным исходным моментом, признанным представителями обеих общин теперь уже в равной мере, стало то, что русские не уедут отсюда в Россию и при самых неблагоприятных для них обстоятельствах. Даже те русские, которые приехали в Балтию в 70–80-е гг., т.е. мигранты последней волны (лимитчики, или “поздние мигранты”), прожив в Балтии 15–20 лет, уже психологически не способны к возвращению, они теперь не смогут жить в России. Вхождение россиянина, прожившего длительное время в Прибалтике, в нашу сегодняшнюю действительность требует ломки привычных представлений и долгого процесса адаптации к иному государству, быту, организации производства, правовой защищенности. Да и местные жители, как показал опыт Демиховского вагоностроительного завода в Московской области, куда в 1993 г. были приглашены несколько десятков специалистов Рижского вагоностроительного завода, весьма враждебно отнеслись к своим соотечественникам. Бывшие рижане оказались не только в плохо организованном государстве, но и неожиданно для

⁴ Вести. Таллинн, 14 мая 2002 г.

себя попали в агрессивную социальную среду. Местное население не признало их своими.

Изменения происходят и в сознании политических лидеров Балтии, среди них находит все большее признание та роль, которую русскоязычное меньшинство играет в становлении и развитии демократического государства, прежде всего в его хозяйственной сфере. Экономические интересы становятся все более преобладающими над этническими, и осознается необходимость реально оценивать и эффективно использовать тот мощный кадровый потенциал, который содержится в “этнически чуждых русских”, и в котором так нуждаются малочисленные народы.

В начале 90-х гг. наиболее яркое проявление политической близорукости и отсутствия прагматизма у первых руководителей балтийских государств заключалось в их упорном стремлении построить мононациональное государство. В объединяющейся Европе национализм как государственная идея в общественном сознании сейчас существенно девальвирован. Да и вообще как консолидирующая сила национализм требует огромной психической энергии, и поэтому может быть использован только на начальном этапе создания независимого государства. Национальная идея быстро себя изживает не только потому, что эта идея достаточно примитивна для современного человека, а потому что у людей появляются реальные интересы, реальные заботы. Как только вопрос независимости был решен, перед государствами встал более важный вопрос – повышения благосостояния. Националистические установки формируются на волне недовольства, если государство не сможет создать условий для нормальной жизни своего населения. Бедность, отсутствие надежды на лучшее, социальная депрессия, слабость государства может возродить национализм даже в самых его крайних формах, но в странах Балтии положение было совершенно иное. Здесь стояла цель создать основы демократического государства, где главным принципом становится эффективность, результативность, поэтому в общественных настроениях стран Балтии национальный фактор постепенно утрачивает свое значение. Вот почему попытки национал-радикалов Балтии построить у себя моноэтнические государства оказались абсолютно несостоятельными, логика становления свободного рынка и развития демократии полностью исключила такую возможность. Стало очевидным, что задача ассимилировать русские сообщества в Балтии является политической химерой, так же как и попытки заставить русских вернуться в Россию. Все эти нереалистические намерения национально-радикальных политиков только провоцировали социально-психологическую напряженность.

При этом стал столь же очевидным и тот факт, что сближение коренного и некоренного населения Прибалтики является проблемой не только для русскоязычного меньшинства, как полагали политические лидеры этих стран в начале 90-х гг., но и для титульного большинства. От последнего требуется высокий уровень толерантности и открытости, а главное, меньшая фиксированность массового сознания на исторических обидах и претензиях, связанных с тоталитарным прошлым. Поэтому проблемы интеграции приезжих с коренными жителями лежат не столько в рациональной, сколько в эмоциональной плоскости.

Современный социально-психологический дискурс заключается в том, что принадлежность к нации связывается все чаще не столько с этническим происхождением, сколько с культурной, экономической, территориальной общностями. Стремительно актуализируется и региональный аспект идентификации.

В настоящее время в России немного объективной информации о странах Балтии. Наши СМИ за прошедшие десять лет научились целенаправленно создавать своеобразную информационную сетку, которую помещают между индивидом и действительностью, вынуждая его думать определенными категориями, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых. Чаще всего именно из СМИ индивид заимствует свой знаково-лексический дискурс, а вместе с ним и всю систему ценностно-смыслового отношения к Балтийским государствам. Тот психологический стереотип прибалтийцев, (“советские европейцы”, “не наши”, “виновники распада СССР”), который уже имелся в массовых настроениях, легко совмещался с информацией, почерпнутой из постсоветских СМИ.

В массовом сознании россиян сложилось два мифа – один о народах Балтии, другой об их отношении к русским. Все различие суждений о Балтии в общем-то проистекает из вольного комбинирования этих двух мифов, т.е. вся информация и оценки, касающиеся прибалтийских стран, во многом являются индуцированными, навязанными массовому потребителю. Со своей стороны, процесс закрепления социокультурных представлений и ожиданий, сложившихся в общественном сознании населения России, усиливает позиции СМИ. Таким образом, российские СМИ несут свою долю ответственности за сужение зоны жизненных интересов россиян, произошедшее в последнем десятилетии. Сегодня все более актуальной становится задача уйти от сложившихся стереотипов, демистифицировать в общественном мнении россиян представления о наших соседях.

Русофобия, безусловно, существует, но она не является сегодня самой социально значимой про-

блемой, поскольку определенный элемент ксенофобии типичен даже в отношениях европейских наций друг к другу. А по отношению к нам это чувство основано не только на нелюбви, но и на страхе, который прививался многими десятилетиями. Генетический страх перед государством, его мощью, агрессивностью, непредсказуемостью. Неприязни по отношению к русским в бывших странах социализма (в первую очередь в Венгрии, Чехии) гораздо больше, чем в других странах Европы. К сожалению, необходимо признать, что последнее десятилетие несколько не убавило этого негативного отношения к нам. И бывшие союзные республики Прибалтики отнюдь не являются исключением. Но в массовом сознании россиян ксенофобия распространена ничуть не меньше, а теперь возможно даже больше, чем в массовом сознании титульных этносов стран Балтии. Точно так же у нас хватает своих отечественных национал-радикалов, занимающих высокие государственные посты. Ксенофобия свойственна и отдельным группам современных русских интеллектуалов, имеющим даже свои печатные издания.

Анализ периодики стран Балтии показывает, что сформировавшаяся в основном в советское время интеллигенция стран Балтии свое основное внимание уделяет прошлому, затрачивая время на постоянное его переписывание и “переосмысливание”⁵. По тем же причинам это отчасти свойственно и российской интеллигенции, которая также являет собой назидательный пример поколения, “переутомленного” собственной историей. Гипертрофированное внимание к поиску собственной идентичности, чрезмерный акцент на формулировании образа “Я”-нации способно затронуть самые болевые точки общественной психики. Когда у элитной части этноса акцент с ценностей действия смещается на ценности переживания, замедляется поступательное движение общества. Зацикленность на том, что было в прошлом, не способствует и объединению народов. Ведь интеграция всегда есть своеобразная проекция будущего. Исторический опыт показывает, что сообщества, творческую энергию которых поглощают муки самоидентификации, не имеют необходимых сил для развития и не готовы к полноценному диалогу с другими.

Поколениям, не знающим “из первых рук” о сталинских депортациях, несомненно, будет присутствовать более высокий уровень толерантности по отношению к российской общине. С вхождением молодежи в общественную жизнь наблюдается постепенное сближение ценностей и установок с той и другой сторон. Причем наша молодежь в Балтийских странах приобретает все более опре-

деленное сходство, даже во внешнем облике, со своим основным окружением.

Десятилетний опыт отношений России со странами постсоветского пространства все же постепенно изменяет стереотипы, сложившиеся в массовом сознании россиян, в том числе и о культурно-исторической и языковой близости как универсальном и надежном средстве от политического вероломства и предательства. Постепенно утрачивает гипнотическое воздействие на общественное мнение россиян и популярный тезис о “славянском братстве”. События показывают, что чем ближе и роднее окружение (по происхождению, языку), тем, как это не парадоксально на первый взгляд, сильнее может быть взаимоотталкивание. В качестве примера можно привести крайнюю степень вражды сербов и хорватов.

Но это относится не только к этническим группам. Вспомним, что большевики ненавидели меньшевиков сильнее, чем царских чиновников, а позднее своих же фракционеров сильнее, чем меньшевиков. Причина этого парадокса – в степени идентификации: люди наиболее тесно идентифицируют себя со своими близкими.

В то же время за истекшее десятилетие произошло значительное уменьшение идеализации русскими других народов Запада (американцев, немцев, французов и др.) по сравнению с народами Балтии (“эстонцы хороши, но и эти не лучше”). Точно так же как и у титульных народов Балтии проходит аналогичная идеализация Запада по отношению к русским – “русские хороши, но и финны не лучше”. В нынешней ситуации обилие трудностей во многих сферах экономики, которые несут с собой рыночные отношения как для русских, так и для титульных народов Балтии, скорее способно объединить живущих на этой территории, чем разводить их по национальному признаку.

Со своей стороны, малочисленные этнокультурные сообщества, характерной чертой которых является ценностное предпочтение по признаку бинарной оппозиции (“свое–чужое”, “свой мир–мир вокруг нас” и т.д.), определенная автаркическая самоудовлетворенность, провинциальная замкнутость, все полнее включаются в процессы глобализации. Если в конце 80-х–начале 90-х гг. у титульных народов Балтии доминировали экзистенциально окрашенные интересы (стабильность, безопасность, солидарность), то сегодня характерен заметный сдвиг к прагматическому и индивидуалистическому поведению. Стабилизация государственности не только укрепила чувство безопасности, но и способствовала пониманию того, что с русскоязычным населением разумно и полезно ладить, более того, его следует использовать при построении современного демократического государства. Господствующим

⁵ Р. Симонян. Два информационных пространства // Власть. 2002. № 9.

Таблица 2. Самоидентификация русских в Эстонии (% к числу опрошенных)¹

Тип самоидентификации	Возраст			
	18–24	25–34	35–54	свыше 55
Русские ближнего зарубежья	15	15	30	33
Русские Балтии	29	16	21	16
Русские Европы	21	8	11	6
Русские Эстонии	69	65	71	71
Русские Эстонии по рождению	43	35	26	27

¹ The Return to the Western World./Ed. by M. Lauristin. Tartu University. 1997. P. 295.

становится убеждение, что жизненно важные для общества цели не могут быть достигнуты в ситуации, когда в государстве имеются сотни тысяч жителей с неопределенным правовым статусом. Парадокс перемен в массовом сознании населения Балтии состоит в следующем. У русских 10–12 лет назад вызывало беспокойство закрытость титульных (“хуторян”), а те в свою очередь считали, что опасность исходит от инородцев. Сегодня же, наоборот, уже многие представители титульных этносов считают, что потенциальным источником опасности стала именно психологическая закрытость инородческого сообщества, и связанная с этим этническая разделенность общего социума. И что именно неуверенность и расплывчатость перспектив является одной из главных причин самодостаточности русской общины, замыкания нетитульных в своей языковой среде и в своем мире. Таким образом, казавшаяся раньше спасительной категория “закрытость” представляется титульным жителям Балтии сегодня уже в совершенно другом свете.

Но и у русских жителей Балтии к 1995 г. в массовом сознании стало господствовать более реалистическое представление о происходящих переменах как в Балтии, так и в России; и к тому времени представители русской общины понемногу стали адаптироваться к изменяющейся социально-политической среде.

Даже мигранты последней волны (70–80-е гг.) приспособились к новым условиям, у них появился свой быт, – не такой, как у эстонцев, но уже и несравнимый с бывшим ранее, до переезда в Эстонию. К настоящему времени в странах Балтии сформировалась многонациональная, но в целом достаточно единая российская община, характеризующаяся коллективной установкой: с одной стороны, она научилась не чересчур активно выступать против государственного законодательства и политических институтов, а с другой – не в полной мере считаться с фактом их существования. В этом смысле больших различий в стратегии соци-

ального поведения между русскими в Балтии и русскими в России нет. Другими словами, наши соотечественники везде привычно осуществляют тот самый психологический механизм самозащиты, к которому их приучили во времена тоталитарного режима – социально-психологический рестрикционизм.

Сегодня в Балтии уже начинает входить в активную социальную жизнь новое поколение русских, потомки тех самых “поздних мигрантов” 70–80-х гг. Многие из них никогда не видели своей исторической родины. Этим молодым людям гораздо ближе Стокгольм или Франкфурт-на-Майне, чем Москва или Нижний Новгород. Для них гораздо важнее утвердиться в социально-экономической, а не в политической жизни. Получив гражданство, они отнюдь не торопятся к избирательным урнам, что, естественно, вызывает законную досаду лидеров русских партий в Эстонии и левоцентристских партий в Латвии. Правда, еще большую досаду они испытывают от стойкого нежелания многих русских, особенно из старших возрастных групп, получать это гражданство.

Молодые русские в Балтии отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. Как правило, они владеют не только языком титульного населения, но и английским. Они с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание. Многие из них успешно освоили торговлю, банковское дело, финансовые операции, завели деловые контакты на Западе. Здесь их называют “еврорусскими”. Так в общественных настроениях балтийских стран отразились изменения, которые происходят в восприятии наших соотечественников.

О том, как себя воспринимали в 1997 г. представители различных возрастных групп русских общин в странах Балтии можно видеть на примере Эстонии (табл. 2).

Высокая планка стандартов экономического успеха стимулирует интеграционные стратегии молодых русских, повышает их лояльность и языковую адаптивность. При этом если титульный народ больше использует ориентированные на него государственные формы обучения – специальные муниципальные школы с углубленным изучением предмета, курсы, кружки, бесплатные секции и т.п., то русским приходится более интенсивно использовать альтернативные формы – частные школы, наем платных репетиторов и др., требующие оплаты из собственного кармана.

Понятно, что во втором случае мотивация, как правило, выше. Кроме того, русских отличают от титульных взгляды на будущее. Титульные, создав определенный капитал, в полной мере реализуют свои потребительские интересы (ком-

фортное жилье, загородный дом, престижный автомобиль и т.д.), т.е. обычный ассортимент западных потребительских ценностей. Они глубже включены в процессы “постмодернизации” жизненных ориентаций, среди них преобладают гедонистические ценности, такие, как приятная и беззаботная жизнь. Разумеется, и русские стремятся к этому тоже, но все-таки чаще они предпочитают учебу и получение хорошей квалификации. Они отличаются меньшей политической активностью еще и потому, что у них не хватает свободного времени, так как в целом русские значительно больше титульного населения заняты на работе. Молодые русские легче поступают в европейские и американские университеты, успешнее стажировались в зарубежных фирмах. Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание, т.е. социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку. Другими словами, отождествления себя не с будущностью своего народа, а с социально-экономическими проблемами территории постоянного проживания.

И отношения между молодыми поколениями двух основных общин в Балтии теперь – качественно иные межэтнические отношения, это уже диалог суверенных сознаний. Новые, молодые бизнесмены титульных национальностей, которые в недалеком будущем заменят нынешних политиков, уже строят свое социальное поведение по законам рыночной рациональности. Оставаясь на своих национальных позициях, они меньше обеспокоены сохранением латышского или эстонского языков, которые испытывают все большее давление со стороны английского. Они более склонны к межэтническому сотрудничеству, и уже эффективно умеют работать совместно. Им, так же как и молодым русским, никому ничего не надо доказывать.

В этой связи проявляется одно очень важное обстоятельство. В условиях глобализации, давление которой на себе испытывают и страны Балтии, в социальной структуре неизбежно должна появиться новая общественная группа, равная по значению и титульной, и русскоязычной. Евро-русские, как новый субэтнос, возможно, и есть тот промежуточный социальный слой, тот общественный модератор, который призван ослабить существующую поляризацию и как всякий структурный мезо-уровень обеспечить устойчивость всей системы отношений в этом регионе. В условиях постоянно расширяющихся во всем мире миграционных потоков, и, соответственно, процесса диаспоризации экономических развитых государств подобная “перекрестная” идентификация (индийский британец, японский американец, арабский француз и т.п.) в мультикультурном обществе

представляется закономерным и единственным социально приемлемым ответом на вопрос о духовной и культурной идентичности в новом тысячелетии. Например, данные исследований немецких психологов показывают такую же тенденцию среди турецкой общины в Германии: часть молодых представителей этой диаспоры не хочет идентифицировать себя ни с турками, ни с немцами. Их можно определить как носителей амбивалентной этнической психологии. Они не желают ни повторного погружения в свою культуру, ни навязывания культуры, отрицающей их ценности. Они отстаивают свое право на то, чтобы определить свою индивидуальность на основе элементов, позаимствованных у обеих культур, и объединить эти элементы согласно своим представлениям, основываясь на правах, установленных международными институтами. То есть происходит выход за рамки традиционного идентитета, уступающего процессу развития глобально-региональной диалектики, что оформляется в потребности личности играть роль в социальной жизни как своей страны рождения (происхождения), так и страны проживания, внося таким образом свой вклад в этот транснациональный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Витковская Г.С.* Направленное расселение вынужденных мигрантов: социальная цена прописки // Вынужденные мигранты и государство. М., 1998.
2. *Гриценко В.В.* Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в Россию. М., 1999.
3. *Дробизева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
4. *Зайончковская Ж.А.* Прогноз миграции населения // Социологический журнал. 1995. № 3.
5. *Лебедева Н.М.* Социальная психология межэтнической напряженности. М., 1998.
6. *Симонян Р.Х.* От монолога к диалогу. Этнопсихологические аспекты реформации политической системы общества // Диалог. 1994. № 11.
7. *Симонян Р.Х.* От национального самосознания к гражданскому действию. М., 1993.
8. *Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М.* Российская община в государствах Балтии // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. Ядова В.А. М., 2001.
9. *Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М.* Этнические различия в ориентациях и установках предпринимателей Эстонии // Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии / Под ред. Дробизевой Л.М. М., 2001.
10. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

11. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Психология адаптации вынужденных мигрантов. // Психол. журн. 2002. № 4.
12. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002.
13. Стефаненко Т.К. Этнопсихология. М., 1999. Вып. 1, 2.
14. Филиппова Е.И. Роль культурных различий в процессе адаптации русских переселенцев // Идентификация и конфликты в постсоветских государствах. М., 1997.
15. Хёсли В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10.

THE CHANGES IN MASS CONSCIOUS OF RUSSIAN DIASPORA IN BALTIC COUNTRIES

R. Kh. Simonyan

Cand. sci. (philosophy), head of the Russian-Baltic Centre of Institute of Sociology RAS

There are analyzed the changes in orientations and attitudes in Russian Diaspora in Baltic countries. Psychological typology of consisting groups is suggested; the dynamics of changes in mass consciousness and feelings of different strata of titular population is tracked. The adaptation process in representatives of Russian Diaspora to conditions of contemporary labor market in Baltic region and appearance of new ethnopsychological phenomenon such as "Euro-Russians" are considered.

Key words: psychological type, image of nation, tolerance, cross identification, ethnic stereotypes, value orientations.